

11 **Кругозор** 69

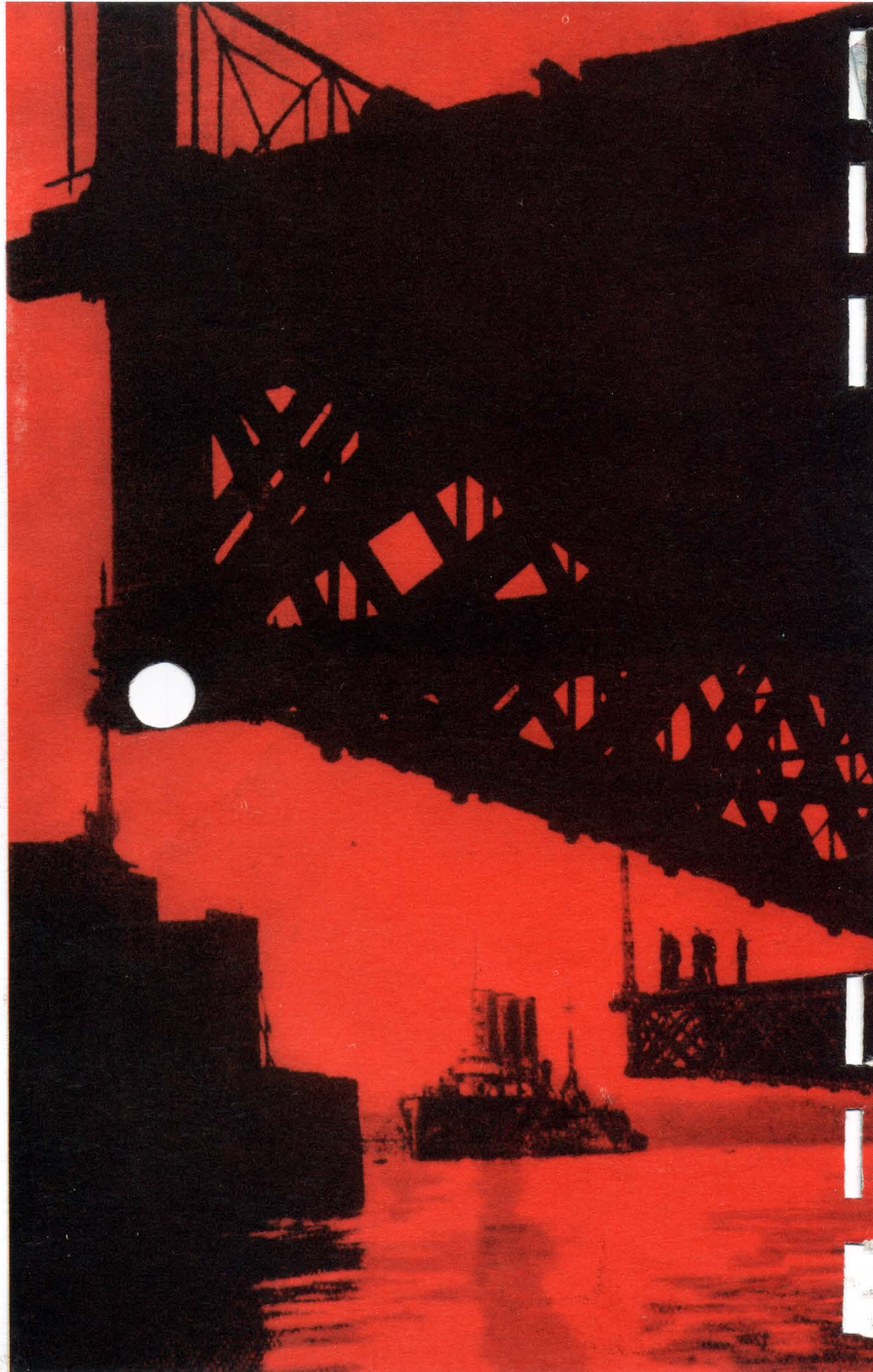
Леонид ЛАПЦУИ

сердце пылает

Рядом с нартой пляшет вьюга,
Беляком-зайчишкой скачет,
И летит из-под полозьев
Вихрем снежная крупа.
Это кто полярной ночью,
Не боясь шаманки-вьюги,
Мчится по ямальской тундре
И орлом глядит во мглу?
Это едет гость желанный:
В дальнем стойбище у моря
Ждут его олениводы
В непроглядную пургу.
Помнится: аргишем сонным
Звезды осени шагали,
И грудастыми валами
Бушевала грозно Обь.
Тот же человек отважный
На моторной лодке мчался
К рыбакам-друзьям на помощь,
Все опасности презрев.
Где олениа упряжка
Летом в толях застревает,
Этот человек бессонно
День и ночь идет пешном.
Как кедрач в родную землю,
Лямки рюкзака врастают
Прямо в плечи человечьи
Среди долгого пути...
Богатырь ли он былнный,
Ростом от земли до неба?
Отчего ему все рады,
Ждут у каждого костра?
Двигается арканом юрким,
Добротой глаза сверкают,
Взгляд, годами умудренный,
Как Полярная звезда,
На висках — как будто ягель,
Серебристый мох олений.
Как похож на сопку тундры —
И приземист и могуч!
Это секретарь райкома,
Это ленинец ямальский,
Слово Ленина, как знамя,
В тундру древнюю несет.
Он о будущем Ямала,
Сына малого России,
О его великой доле
Людям должен рассказать.
И когда заря ночная
В небе хвост распустит лисий,
На лице его сияет
Отблеск утренней зари!
Он и устали не знает,
Этот ленинец ямальский,
Оттого, что в сердце носит
Солнце-правду Ильича!

Перевод с ненецкого
Лидии Гладкой

*Крейсер «Аврора» у Николаев-
ского моста. 25 октября 1917 г.*

«К Ленину, как к центру, подступали все донесения с мест, он всегда вовремя успевал дать самые ценные и точные указания, своевременно замечал опасность в том или ином месте. Ленин был настоящим главнокомандующим всех вооруженных сил Октябрьской революции, а под его началом работал штаб, какого никогда не имел ни один военачальник».

Из воспоминаний К. А. Мехониной, члена Военно-революционного комитета в Петрограде.

В полночь с 24 на 25 октября всем заводам и воинским частям дано было знать, что В. И. Ленин прибыл в Смольный, для того чтобы возглавить восстание.

1 час. Ф. Э. Дзержинский отдает приказ командиру отряда Красной гвардии Путиловского завода усилить охрану кабинета Ленина в Смольном.

1 час 25 мин. Революционные моряки, солдаты и красногвардейцы занимают Главный почтамт. В. И. Ленин участвует в заседании ЦК РСДРП(б), на котором обсуждается вопрос о составе будущего рабоче-крестьянского правительства, названного Советом Народных Комиссаров.

2 часа. По распоряжению Военно-революционного комитета выключен свет во всех учреждениях Временного правительства. Заняты Балтийский и Николаевский вокзалы.

3 часа 30 мин. Крейсер «Аврора» отдал якорь в непосредственной близости от Зимнего дворца.

4 часа. Организован отряд для занятия Центральной телефонной станции.

Около 6 часов утра отряды Красной гвардии и революционные войска занимают Государственный банк.

7 часов. Революционные войска овладевают Центральной телефонной станцией, занимают Дворцовый мост.

По постановлению ЦК РСДРП(б) создается полевой штаб из 5 человек для непосредственного руководства боевыми действиями на месте боя.

КЪ ГРАЖДАНАМЪ
РОССІИ!

ДЕКРЕТЬ

О ЗЕМЛѢ

Декретъ

О МИРѢ

Около 8 часов. Революционные войска занимают Варшавский вокзал.

9 часов. Ленин требует: немедленно объявить Временное правительство низвергнутым, всю власть — переданной Советам, съезд Советов открыть 25 октября вечером, взять Зимний дворец, министров арестовать и водворить в Петропавловскую крепость.

10 часов. В. И. Ленин пишет от имени ВРК воззвание «К гражданам России!», в котором говорится: «Временное правительство низложено».

...Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»

11 часов. По приказу Военно-революционного комитета освобождаются находящиеся в тюрьмах политические заключенные.

13 часов. Революционные солдаты, красногвардейцы и матросы заняли Мариинский дворец, резиденцию ряда важных государственных учреждений.

14 час. 35 мин. Начинается экстренное заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Выступая на нем, В. И. Ленин сказал: «Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась... Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма».

После речи на Петроградском Совете В. И. Ленин выступает на заседании фракции большевиков II Всероссийского съезда Советов. Он говорит о вопросах, которые нужно выдвинуть вечером на заседании съезда.

В. И. Ленин пишет воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!».

16 часов. Революционные войска занимают Финляндский вокзал.

17 час. 45 мин. В. И. Ленин одобряет план штурма Зимнего дворца, который выработал ВРК. Он торопит со взятием Зимнего дворца и арестом Временного правительства к началу открытия II Всероссийского съезда Советов.

18 часов. Завершается окружение Зимнего дворца и штаба Петроградского военного округа.

18 час. 50 мин. Полевой штаб ВРК предъявляет ультиматум — «членам Временного правительства и вверенным ему войскам капитулировать в течение 20 минут».

19 час. 40 мин. Революционные войска занимают штаб Петроградского военного округа.

21 час 45 мин. Прогремел исторический выстрел «Авроры». Начался штурм Зимнего.

Перед открытием II Всероссийского съезда Советов Ленин участвует в заседании большевистской фракции.

22 час. 40 мин. В Смольном начинается свою работу II Всероссийский съезд Советов.

Глубокой ночью, лишь после взятия Зимнего дворца и ареста министров Временного правительства Владимир Ильич покидает Смольный и направляется на квартиру Бонч-Бруевича. Здесь Ленин пишет Декрет о земле.

ЗОЛОТО

С. ЗИНИН, специальный корреспондент «Кругозора»

Фото автора

МУРУНТАУ

*Их труд — в первом золоте Мурунтау
Вадим Бурьян — начальник карьера.
Юрий Роменский — бригадир на строительстве.
Иван Сергеевич Ильин — монтажник, заслуженный
строитель республики.*

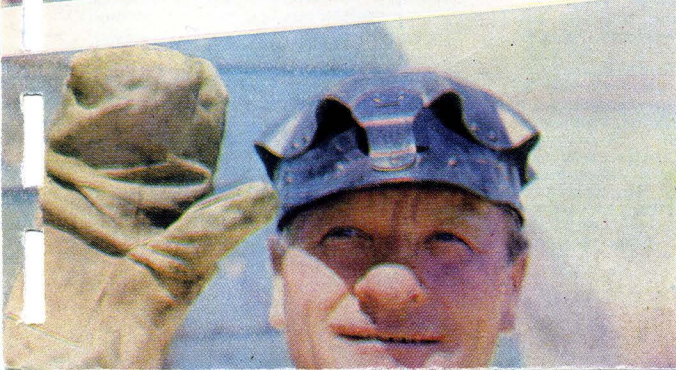
Митинг состоялся в главном корпусе на ремонтной площадке. Конечно, наряднее было бы провести все это во дворе, возле огромных, похожих на арены античного цирка сгустителей, но ветер гнал с севера, со стороны Аральского моря, сухую песчаную пыль, да и температура к одиннадцати утра, когда должен был начаться митинг, поднялась до сорока на солнце, а может быть, и в тени. Все это предвидели. Раскладна «тепловых» возможностей Кызылкумов в Мурунтау хорошо известна, и поэтому, чтобы не портить праздника открытия завода, украсили флагами первые пролеты главного корпуса и полили бетонный пол на ремонтной площадке.

Мне было чуть странно видеть многих из моих друзей и хороших знакомых стоящими на праздничной трибуне рядом с членами правительства и партийного руководства Узбекской республики. Внизу, под трибуной, мне было несколько одиноко со своими фотоаппаратами и магнитофоном, но я радовался за Олега Пашенку, и за Львовского, и за Щеглова, и за Абрولا. Дело они свое сделали, стояли теперь в новых костюмах, смущенные и довольные. А над трибуной, почти под крышей огромного цеха, на металлической площадочке, очень так неприметно примостился Борис Исаакович Шварцман, главный механик. Снизу я помахал ему рукой: ну, как, дескать, запустим? Он близоруко разглядел меня в толпе и рукой же успокоил: запустим, дескать, хорошо.

За месяц до митинга, помню, пускали пятаю мельницу. Пятая напризничала, грелся подшипник, и вообще пятаю выбрали потому, что если дело на ней пойдет, то запустить остальные труда особого не составит. Но, кроме подшипника, бились насосы, руда измельчалась не так, как нужно было технологам, приходилось на ходу менять кое-что в конструкции. Весь измученный, Шварцман стоял за мельника, главный технолог Щеглов — за классификаторщика. Они крутились, искали какие-то ведомые только им резервы, а мельницы не шли. Люди были раздражены, сроки строительства истекали, и хотя вроде бы все уже было готово, но «стянулось» на этих мельницах.

За ночь с 26-го на 27 июля мельницу так и не пустили, а утром на планерке Зарапетян сказал, что сегодня последний день, что обычного шестичасового наряда не будет, а наряд состоится в 12 ночи, что эти шесть часов между шестью и двенадцатью — последний резерв времени.

Если пользоваться спортивной терминологией, то все строительство золотодобывающего предприятия в Мурунтау — каскад «рекордов» и «высших достижений». Сначала вопреки многим прогнозам геологи отыскали в центре беззодных Кызылкумов золото. Потом были установлены чрезвычайно сжатые, рекордные сроки строительства. Но для того, чтобы пустить золотодобывающее предприятие, необходимым оказалось построить в пустыне город — где-то же должны жить люди, не бесконечен же палаточный энтузиазм, — провести гигантский через всю пустыню водовод, проложить железнодорожные пути, шоссейные и грунтовые дороги. И все это быстро начало расти, строиться, приобрело видимость полного хаоса, огромного склада, гигантского нулевого цикла, где только опытный взгляд строителя мог заметить четкость организации и плотный ритм работы. Потом из этого хаоса стали возникать контуры... Потом старожилы стали говорить: «Я

приехал, когда в городе было два дома». Потом появились (в пустыне!) широкоэкранный кинотеатр, девятиэтажные дома с лифтами, торговый центр, потом заложили фундамент под главный корпус. 20 июля к городу подошла вода — целая река. Сварщик Злокозов заварил последний стык водовода; отпустили вентиль, и в пустыне вдруг хлынул фонтан, столб воды. Еще до «большой воды» (вот тоже незабываемая вежа, еще одна точка отсчета времени) заработала огромная дробилка на золотоперерабатывающей фабрике. А после «дробилки», но еще до «пятой мельницы» пусти-ли карьер.

Утром 27-го Зарапетян, начальник строитель-ства, о мельницах не говорил, но планерку впервые вел сидя. Его шофер Коля сказал, что вчера «сам» чувствовал себя плохо, посылал Колю за резер-пином, но приехавшему врачу Сергею Петрови-чу давление измерить не дал — «чтобы не рас-страиваться». Поэтому планерка шла не так бур-но, хотя, как всегда, Пащенко досталось за стро-ительство и начальнику ОРСа — за квас (лишь две бочки на всю стройку). Утром по обыкнове-нию Зарапетян не дал традиционной «раскрутки», волны от которой потом идут весь день и затуха-ют лишь к вечеру. Он говорил тихим голосом, уве-щательно объявил о двенадцати ночи, и все быст-ро и без обычного шума исчезли, растворились в гигантской стройке. Шварцман, Лебедев, Щеглов, Новиков отправились к мельницам: в последний раз что-то примеряли, приваривали, кричали в микрофон друг на друга, и так было часов до девяти вечера. К девяти вечера привезли бу-фет. Я взял минеральной водички и понес в глав-ный цех, потому что Шварцман сам все равно не соберется в горячке сходить поесть и попить. После двенадцати часов работы мельница запу-стилась. Не засорялись насосы, из жерла шла нор-мальная пульпа, а те устройство, которое при-шло сконструировать, работало как часы.

Уже в одиннадцать стали собираться «на штаб». На узкой скамейке все теснились, не желая идти в помещение. В темноте мигали огни электросва-рок. Все устали и говорили мало. Наконец ровно в двенадцать из темноты вышел Зарапетян. Более неинтересной, какой-то усталой планерки я на строительстве не видел. Вставали руководители служб и говорили очень коротко: «Да, сделано. Зараб Петросович» или: «Готово, Зараб Петросо-вич». И когда встал и сказал одно из этих двух слов «готово» или «сделано» последний, все вдруг замолчали и поняли, что золотой комбинат-то, ка-жется, они построили. И тут Зарапетян, тоже буд-нично, будто привык это делать ежедневно, ска-зал: «Ну что ж, тогда я подписываю приказ о пуске».

Ровно через месяц после ночной планерки я сно-ва прилетел в пустыню на торжественный митинг.

Митинг проходил, как всегда. Первым выступал директор. Он говорил, что за годы строительства, руководимый партийными организациями, сфор-мировался и сплотился боеспособный коллектив, который с честью выполнил почетное задание Ро-дины. А потом директор нагнулся, с усилием вынул из специального ящичка 11 килограммов 800 граммов первого золота Мурунтау и поднял над головой. И перед тем, как раздался аплодис-менты, толпа людей, собравшихся на митинг, на мгновение притихла...

Бухарская область, Узбекской ССР.

Борис ПОЛЕВОЙ

Книги, как и люди, каждая имеет свою судьбу. У последней моей работы, озаглавленной «В конце концов», судьба, может быть, несколько необычная.

По окончании второй мировой войны мне, недавнему военному корреспонденту, довелось быть собкором «Правды» на процессе Международного военного трибунала над главными военными преступниками. Судили ближайших соратников Гитлера — Геринга, Гесса, Риббентропа, Розенберга, фельдмаршала Кейтеля и Йодля, словом, всех тех, кто развязал вторую мировую войну, истребил десятки миллионов людей и залил кровью страны Европы. Десять месяцев шел этот суд. Десять месяцев виднейшие юристы читали страшную книгу нацистских преступлений, равных которым не знала земля. Десять месяцев мы, журналисты, слушали документы, рассматривали вещественные доказательства, от которых волосы шевелились на голове даже у нас, бывалых людей, все повидавших в дни войны. Мы по мере сил и умения рассказывали об этом процессе на страницах газет. А потом, вернувшись домой, честно говоря, ушли с головой в мирные дела. Те страшные картины, что мы видели в дни процесса, отойдя в прошлое, стали представляться нам чем-то вроде кошмара, который хотелось поскорее забыть.

После войны я написал около двух десятков книг. Это были книги о войне и о мире. О людях, с которыми я встречался и которых любил, о их делах, к которым я относился с глубоким уважением. И вот теперь затеялась новая книга. Мне минуло 60 лет, и хотелось как бы подвести итог тому, что я видел и пережил, написать роман о жизни человека моего поколения. Ведь именно ему посчастливилось активно участвовать и в осуществлении планов первых пятилеток и в первых боях на советской границе на Дальнем Востоке, быть солдатом в Великой Отечественной войне, творить чудо послевоенного восстановления и, наконец, создав гигантскую индустрию и самую передовую науку, командировать своего первого посланца в Космос. Как это в большинстве случаев бывало в моих литературных работах, конкретный герой, мой товарищ по комсо-

вольской ячейке, прошедший через все испытания и ставший ныне одним из славнейших инженеров мира, был перед глазами. Другие герои уже начинали толпиться вокруг него.

И вот как раз в это время жизнь бросила меня в Западную Германию, в старинный город Майнц, что лежит на великой немецкой рене Рейн. Друзья показали мне в городе странный памятник. Это была большая, вытесанная из гранитной глыбы карта гитлеровского рейха. От основной каменной массы широкой третиной были отделены территория Германской Демократической Республики, а также земли Польши, Чехословакии, когда-то захваченные Гитлером, и наши советские земли, включенные в состав страны после войны. На этой каменной карте поперек было

о книге,
которая

появилась
вне очереди

выбито слово «Дойчланд», но часть букв отселалась третиной.

Был уже поздний вечер. Через старинную площадь к памятнику, как бы олицетворявшему реваншистскую мечту о возврате и гитлеровским временам, гусиным шагом, каким когда-то шагали на своих парадах штурмовики, подошла группа пожилых людей. Нам сказали, немцы из Висбадена, города, что напротив, за Рейном. В петлицах их были гитлеровские ордена. Выстроившись у надгробного камня, они гаркнули: «Хайль!» «Хайль Гитлер!» они не сказали, но это подразумевалось само собой. Это как бы звучало в их крике. Вероятно, то были эсэсовские недобитки, собравшиеся на какое-то свое торжество...

Вот тогда-то, в те минуты, как то сразу на второй план отошла очень дорогая для меня идея написать роман о современнике. Я был на Нюрнбергском процессе. У меня на даче на чердаке лежало несколько коробов с протоколами судебных заседаний, с фотографиями вещественных доказательств и толстые блокноты с моими записями. «Нет, я не имею права молчать», — сказал я себе. Неужели человечество забыло то, что было всего четверть века назад? Неужели в памяти его изгладилась международные законы, принятые в Нюрнберге и объявляющие преступлением любую агрессию, геноцид, попрание человеческих прав? Нельзя молчать! Человечество не имеет права забывать Нюрнбергский процесс, его уроки, его законы.

Я отодвинул в сторону заготовки, достал документы, фотоматериалы, старые тетрадки своих дневников того времени. И те далекие уже дни воскресли для меня, ибо то, что мы видели и слышали в Нюрнберге, навсегда останется будто бы врезанным в память.

Готовя дневники для печати, я старался передать впечатления тех дней, ничего не изменяя и не модернизировав. Что у меня получилось — не мне судить. Но для меня эта книга является моим публичным выступлением против того страшного и отвратительного, что вопреки законам, вопреки разуму человеческому в разных формах возрождается сейчас в капиталистическом мире.

На второй звуковой странице Б. Полевой читает заключительную главу нюрнбергских дневников:

«...На пути из Нюрнберга в Москву я вспомнил давнишний разговор в подвале разрушенного сталинградского дома в самые тяжкие дни битвы за этот город.

...Промерзший подвал... Из дальнего угла слышатся стоны раненых... Коптит светильник, сделанный из сплющенного снаряда. У стола худой человек — секретарь парткомиссии.

— За эту неделю партия потеряла в нашем полку одиннадцать коммунистов, а приняла, знаете, сколько? Шестнадцать...»

Страница отсутствует

Страница отсутствует

▲

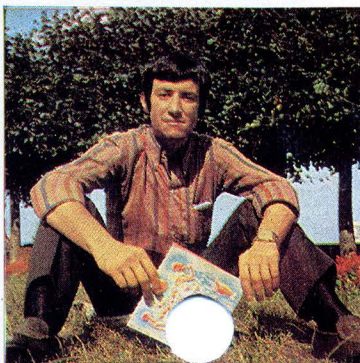
КОНЧИТА БАУТИСТА. Испания.

Пою и танцую с семи лет. Вначале мое выступление приносило мне двадцать пять песет, теперь — три тысячи долларов за один выход на сцену. Снималась в 14 фильмах, а напела всего лишь двадцать одну пластинку. Почему так мало? Я не могу петь в «немых» стенах студии. Меня заставляет присутствие публики. Рабо-

тую очень много. И не удивительно, что самые отрядные для меня те часы, которые я провожу в кругу семьи с четырьмя сестрами и братом.

Все говорят: Кончита — это огонь. На самом деле я тихий и даже робкий человек. Правда, мой жених, который живет в Милане, не очень в этом уверен, звонит мне ежедневно, где бы я ни находилась, и требует: «Немедленно прилетай ко мне!..»

▲

АНРИ ТАШАН. Франция.

Родился я в 1939 году, за день до объявления войны Германией Франции. О детстве говорить не приходится — война. Когда подросток, уехал в Канаду. Пел в кабаре в Монреале. Там встретил Жака Бреля. Он уговорил вернуться домой и попытаться счастья. Попытал. Две мои песни спела Жюльетт Греко. Песни понравились. Пришел успех. Взялся всерьез за музыку.

Сюжет моей песни «Ее постоянный столик» прост. Каждый день в кафе официант приносит чашечку кофе девушке, в которую он влюблен с которой боится заговорить. Наконец молчание нарушено: он благодарит за чаевые. Одна из тысячи драм...

▲

ПЭТСИ МАК ЛЕЙН. Великобритания.

Семья наша актерская. Бабушка выступала вместе с Чарли Чаплином. Муж у меня пианист.

Веду по радио одну из постоянных программ. Содружество экстрадных певцов с радиотехникой не случайно. Сегодня певец, если он талантлив, может за вечер иметь аудиторию, какую Карузо не имел за всю свою жизнь. Радио и телевидение мгновенно создают славу, но и... молниеносно развенчивают бездарность.

●

Интервью с еще одним победителем сопотского конкурса, советским певцом Муслимом Магомаевым, — на 4-й странице обложки.

Победители конкурсов — на девятой и десятой звуковых страницах.

Р. МЕЩЕРСКИЙ,
доктор биологических наук

В истории развития познания в свое время был замечен небезызвестный парадокс: в течение многих веков человек получал информацию об окружающем его материальном мире и почти ничего не знал о самом себе. Имеется в виду информация не медицинского-лечебного характера, а знание законов и принципов работы головного мозга.

В наши дни загадка — как работает мозг — еще не раскрыта.

Между тем, чтобы двигаться вперед, человек должен знать: кто он есть.

Может быть, это «чтобы двигаться вперед» покажется несколько абстрактным. Уверяю: несколько. История науки знает множество примеров, когда исследования сухих, академических предметов, которые, казалось бы, не могут дать никаких полезных сведений для практической деятельности человека, приводили к научно-технической революции. Так недавно случилось с кристаллографией, наукой, которая в течение долгого времени занималась систематизацией кристаллов и вдруг дала совершенно фантастический результат в виде всем уже известного лазера.

У науки, изучающей мозг, уже и сейчас просматриваются волнующие перспективы. Главная проблема — вопрос емкости мозга. Практически она неограниченна. Человеческий мозг может вместить гораздо больше информации, чем все существующие электронно-счетные машины. Второе, не менее важное свойство нашего мозга — степень его надежности. Из строя могут выходить обширные районы мозга, вплоть до одного полушария, и мозг будет функционировать почти нормально. Доказательством служат многочисленные случаи из практики военной хирургии.

Я-

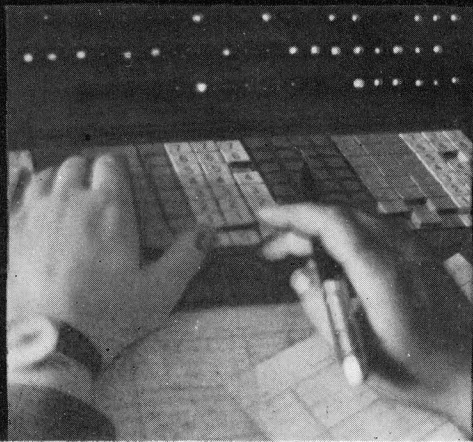
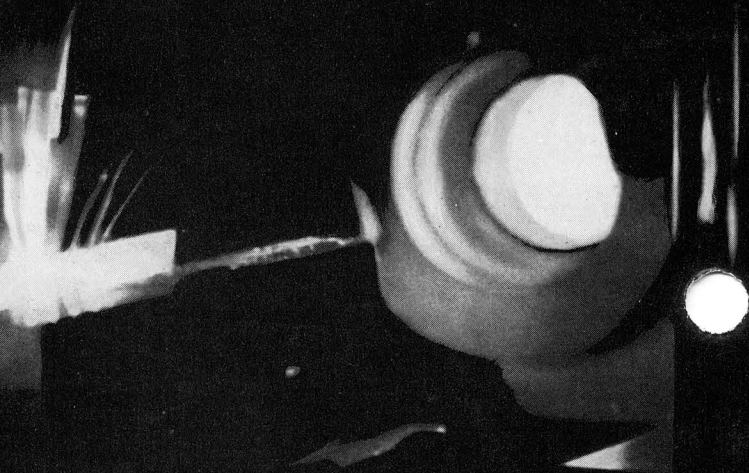
ГИПЕР-

ПРОСТРАНСТВО

**Был голос мне:
«Войди в себя».**

**Вошел.
Меня там — ждали.
Лец**

Наша наука, изучающая мозг, несколько напоминает самолет, готовящийся к старту. Проверена машина. Экипаж на местах. Пассажиры пристегнули привязные ремни. Остается запустить моторы и взлететь. Но пока еще в наших «баках» нет топлива — теории, которая вознесет нас над морем фактов и наблюдений, объединит их в стройную и логичную картину. Правда, на горизонте уже светлеет. В частности, в последнее время выдвинута спорная, но весьма перспективная идея по одному из самых неясных вопросов — опознаванию образов мозгом и способу их кодировки. Из этой гипотезы следует, что мозг наш оперирует в многомерном, так называемом гиперпространстве.

Предположим для того, чтобы был опознан стакан, в трехмерном пространстве этот предмет должен выражаться множеством точек, совокупность которых характеризует его признаки — высоту, ширину, объем, материал, освещенность, положение в пространстве, функции, цвет и так далее. В гиперпространстве для выражения этих и десятков других качеств — признаков используется лишь одна точка, где скрещиваются все данные. Поэтому при одном взгляде на стакан мы мгновенно опознаем его как стакан, не анализируя отдельно высоту, ширину, объем. Надо сказать, что этой теории отвечает и ряд экспериментальных данных.

Наша наука набирает силы. Во всех странах мира тысячи ученых бьются над разрешением загадок человеческого мозга — самой тонкой и сложной системы, содеянной природой и эволюцией. Он маленький, но в нескольких сотнях граммов вещества содержится 10^{10} нейронов — нервных клеток. Сколько это? Миллион? Нет. Миллион — 10 в шестой степени...

Репортаж нашего корреспондента Ю. Визбора из Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии Академии наук СССР слушайте на пятой звуковой странице.

Голос, который услышите вы на пластинке, отделен от нас не просто далью десятилетий. Этот голос идет как бы из глубы веков, являясь нам подобно глиняному сосуду, сокрытому тысячелетиями в земле и поднятому раскопками на свет божий, или древней фреске, великолепии которой открывается нам по снятию более поздних наслоений...

Древен край армянский, и живущий там народ издревле любил строить, созидать, петь. Однако набег чужеземцев да время разрушали не только столицы его и храмы, покрывая дымом и пылью пожарищ орнаменты и священные рукописи, но коснулись и песен его, потопив в чужих, дурманящих, как кальян, тягучих напевах суровую, подобно каменной земле Айастана, скупую и целомудренную армянскую мелодию. И вот нашелся некто, необычный археолог, который смог поднять из прошлого к свету не каменные напители или металлические украшения, а звук, песню... То был Комитас, любимый сын и бессмертный композитор армянского народа.

Рано лишившись родителей, двенадцатилетний подросток Комитас — его настоящее имя Согомон Согомонян — нашел приют в Эчмиадзине, армянском религиозном центре, где и получил образование. Комитас в силу своей исключительной одаренности назначается учителем пения в академии, а затем — хормейстером. Но таланту и кипучей натуре его стали тесны монастырские стены и ряса священнослужителя. Вскоре мы видим Комитаса в Берлине — студентом консерватории, видим ушедшим с головой в книги и ноты, изучающим истоки армянской музыки, а после — в концертных залах Тифлиса, Баку, Еревана и еще Парижа, Женева, Венеции. Там Комитас — хоровой дирижер — пропагандирует музыку своей родины. Но чаще видим его в селах и горах Армении, на свадьбах и народных празднествах — изучающим и записывающим крестьянский мелос.

Комитас всей своей жизнью и наследием — собственным творче-

из ГЛУБИНЫ ВЕКОВ ИДУЩИЙ

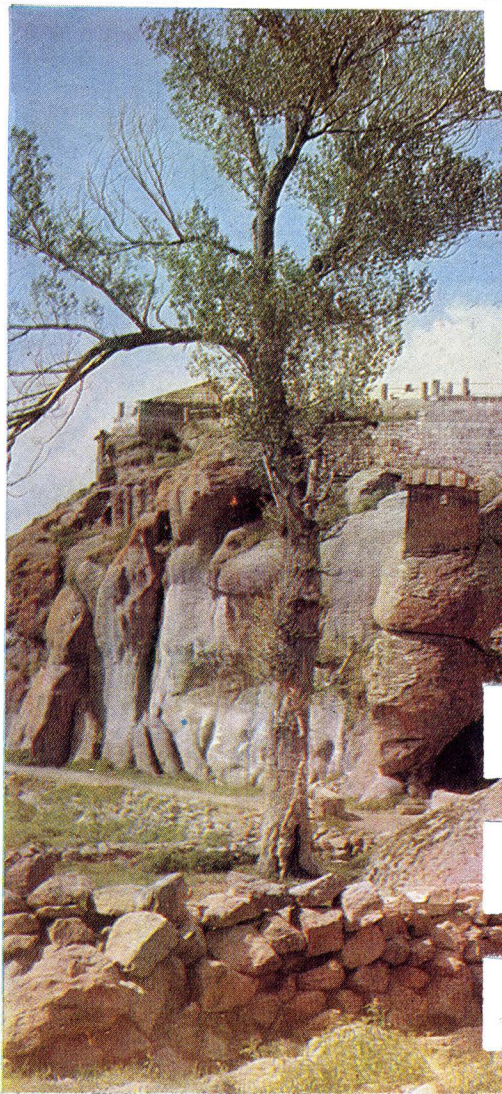
Сильва
КАПУТИКЯН

Рисунок
А. Яраляна

ством, записями и обработками народных песен, научными исследованиями, публицистикой, дирижерской деятельностью — доказал миру, что армянская музыка течет по собственному руслу, что истоки ее — в глубинах истории страны и народного характера. Доказал это Комитас и высоким исполнительским мастерством, гармонично сочетавшим народность и профессионализм, мужественность и эмоциональность, простоту и величие. Мастерством, которое по сей день остается непревзойденным образцом исполнения армянской песни.

Черная масса грамофонной пластинки вобрала в себя и донесла потомкам голос Комитаса. Нечто заветное заключено для нашего слуха в этом голосе, который всякий раз полнит наше сердце любовью, тоской, печалью

и каким-то бесконечным сожалением... Ведь он оборвался, этот голос, в ту самую пору, когда ему творить да творить было и дарить миру... В апреле 1915 года Комитас вместе с сотнями других выдающихся деятелей армянской нации был арестован

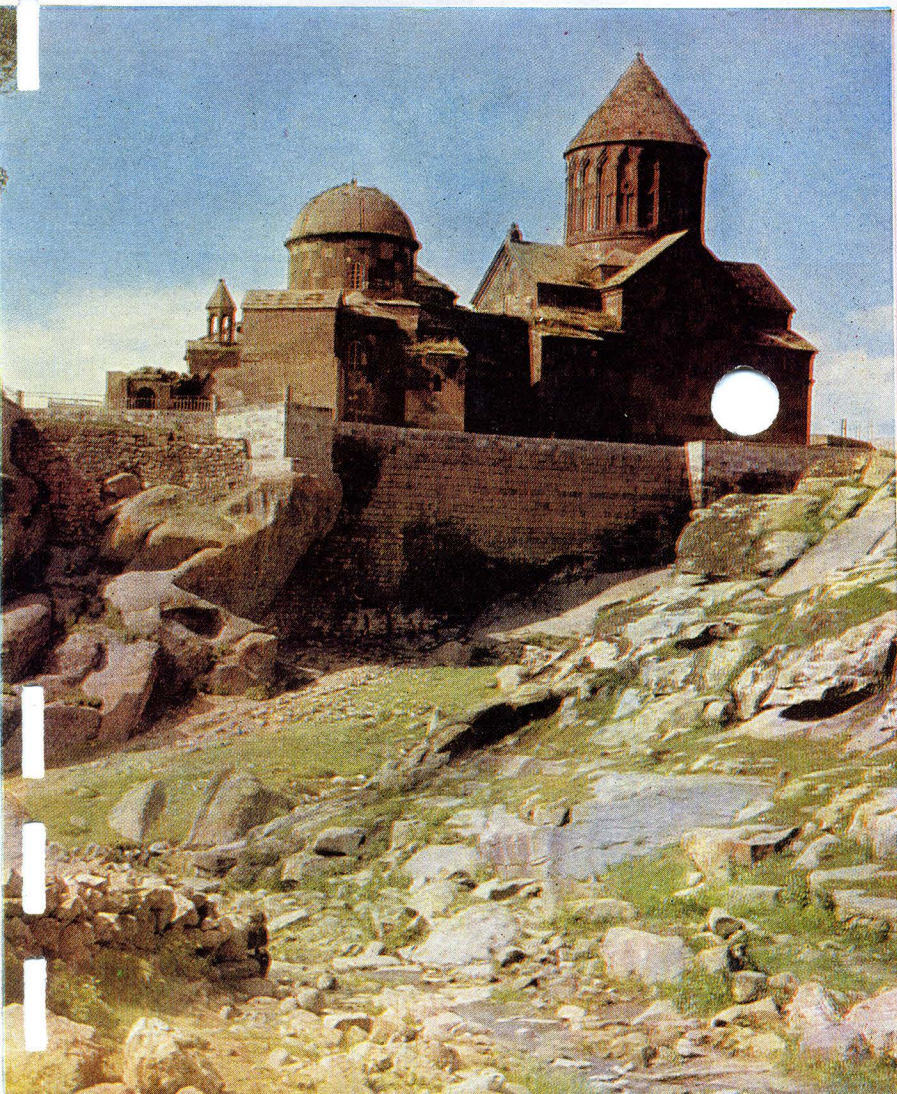

властями султанской Турции в Константинополе и подвергнут истязаниям. Мозг его, еще вчера рождавший удивительную гармонию звуков, навсегда был вергнут в хаос. В 1935 году в Париже Комитас умер в госпитале для душевнобольных.

Он возвратился в Армению горстной праха и покоится ныне в пантеоне Еревана.

Перевод с армянского А. Сагратяна

Церковь в Ариче XIII в. Когда-то здесь работала монастырская школа, в которой преподавал Комитас.

Расул ГАМЗАТОВ

Камалил Башир*

Легенда

От любви забывали мы страх,
Потому что, затмив целый мир,
Ты с ума, обольстив нас в горах,
Посводил, Камалил Башир.
Нам не надо колец золотых,
Хоть венчает их огненный лал.
Лишь бы ты на ладонях своих
Наши пальцы, держа, целовал.
И жемчужные серьги легко
За твои отдадим мы слова,
Когда шепчешь ты их на ушко,
Сладко кругом идет голова.
Мы, как белое тело свечи,
Пред тобою до белого дня
Были счастливы таять в ночи,
Золотое сердечко огня.
Может, смилуются небеса
И помогут вдали от разлук
Вновь серебряные пояса
Нам сменить на кольцо твоих
рук.
Власть любовной познав ворожбы,
В час намаза колени склонив,
Предавались мы жару мольбы,
Имя бога твоим заменив.
Почернели от злости мужья,
Женихи проклинали невест,
И прикончить тебя из ружья
Сговорились мужчины окрест.
— Камалилу Баширу — конец!
Мы убьем его! С нами аллах!
Но невесты и жены свинца
Растопили в ружейных стволах
И решили ревнивыц тогда
В башню смерти тебя заточить.
Ключ в потоке исчез навсегда,
Чтоб дверей не смогли мы открыть.
Но из собственных кос сплетена
Нами за день веревка была.
Твоего мы достигли окна,
Голубинные вскинув крыла.
И решили мужчины в тоске:
Бросим в реку с утеса, что сед.
Но спасли тебя в бурной реке,
За тобою мы кинувшись вслед.
И мужья, став чернее земли,
Сговорившись с парнями тайком,
Дорогую твою отсекали
Буйну голову острым клинком.
Черный камень надгробной плиты
Мы с могильного сняли холма.
И вознесся над ревностью ты
И сводил нас, как прежде, с ума.
Мы, как белое тело свечи,
Пред тобою до белого дня
Снова счастливы таять в ночи,
Золотое сердечко огня.

Перевел с аварского
Яков Козловский

* Камалил Башир — герой горского фольклора.

Такой лес воронежский, что солнце не сразу и увидишь сквозь буйную листву. Лишь по огненным стрелам и пятнам догадаешься, что вон там оно спряталось, за пригорком. Только что прошел дождь. Зашевелился, заиграл на солнце от упавшей капли чуткий осиновый лист, и от него одного движение передалось всему дереву. И так оно играло и звенело в полном безветрии.

Мы шли с Маргаритой Грабилиной, научным сотрудником Воронежского государственного заповедника. Лес — это ее работа и ее призвание. Михаил Михайлович Пришвин в одном из своих рассказов писал: «Когда работа человека совпадает с призванием, результаты его трудов удивляют мир».

Ну, о результатах говорить пока рано. Только три года назад Маргарита закончила биофак Горьковского университета. Готовится заняться зоопсихологией, наукой, не так давно возникшей и, по словам Риты, самой интересной на свете.

На поляне в лесу встретились ромашки, самые обыкновенные: «любит — не любит». И вдруг Рита сказала: «Прислушайся, какой у них мягкий звон». И мне подумалось: ромашки тоже загадывают про человека «любит — не любит». Любит — заметит, не любит — пройдет мимо. Рита из тех, кто замечает. Всем бы так же, как ей, уметь читать в лесной книге. «Надо просто ходить и слушать. Даже гриб или орех — и те будут мешать, коли не хватит внимания вникнуть в лесную жизнь», — сказала мне Рита.

Было раннее утро. С поляны растекался туман. Лес шумел приглушенно.

Маргарита рассказывала...

Воронежский заповедник

Слушайте третью звуковую страницу журнала.

**ЛЮБИШЬ—
ЗАМЕТИШЬ**

Л. ЯШИНА

МАЛЕНЬКИЙ ГАРУСОВ

И. ГРЕКОВА

Отрывок
из новой
повести

...Вот и кончилась война. Гарусов был уже в четвертом классе, «ниже всех по росту, выше всех по успеваемости», как говорила классная руководительница. Кончилась война, и ничего не произошло. За это время детский дом дважды успели слить с какими-то местными. Теперь он уже не был ленинградским и «не подлежал эвакуации», как кто-то кому-то объяснял. Гарусов об этом услышал, загорелся страстью и процвел. Теперь его узнать нельзя было. Он стал изобретателем и хитер. Всеми правдами и неправдами он

добился, чтобы его отпустили в город, и пошел в отдел народного образования. Там он проскользнул мимо секретарш и уборщиц прямо в кабинет самого заведующего.

Заведующий сидел за столом и писал. Он был в очках, в пиджаке и свитере: в кабинете было прохладно. Кто-то рядом кашлянул, тихо, словно овца перхнула. Заведующий поднял глаза. У его стола стоял хорошенький голубоглазый мальчик, на вид лет семи, маленький, как карандаш.

— Что тебе нужно? — спросил заведующий.

— Мы — ленинградцы, — начал Гарусов заранее подготовленную речь. И пошел излагать свое дело, да так ясно, толково и грамотно, что заведующий даже ручку положил. Гарусов довольно твердо, хотя и по слогам, произнес трудное слово «реэвакуация» и положительно настаивал, что детей-ленинградцев необходимо отправить на родину. Там многие из них найдут своих родителей или других родственников. Их заберут из детдома и «снимут с государственного снабжения» (именно так выразился Гарусов). Заведующий выслушал его с интересом, снял трубку и вызвал свою заместительницу Клавдию Петровну, пожилую женщину с крепким уральским акцентом. Клавдия Петровна, женщина добрая, ужасно любившая плакать, когда на торжественных заседаниях выходили с приветствиями пионеры, слушала Гарусова, заливаясь слезами, и обещала полное содействие. Тут же, не переставая плакать, она стала звонить в разные места. Ей что-то там отвечали. Она прикрывала трубку рукой, подмигивала Гарусову и снова принималась убеждать: «Дети-то... без матери-то...» — говорила она, решительно удаляясь на «о».

В общем, дело пошло. В детский дом Гарусов вошел с триумфом. Ребята-ленинградцы на руках пронесли его от ворот до столовой. А в столовой Гарусова ждал пир. Ребята нанесли ему белого хлеба, котлет, а возле тарелки кусками сахара выложили «Т. Г.» — Толя Гарусов, Великодушный Гарусов тут же все это раздал. Что ему хлеб, что ему сахар? Отсюда начался недолгий период гарусовского вожакства. Ленинградцы, образовавшие в детдоме отдельную фракцию, ходили за Гарусовым стадом. Он судил ссоры, распределял обязанности, в общем, цвел. Клавдия Петровна не обманула. Не прошло и месяца, как приехала комиссия, побеседовала с самим Гарусовым (Анатолем Ивановичем, как величал его председатель). А еще через два месяца — все-таки бывают чудеса! — группа воспитанников-ленинградцев поехала на родину.

Накануне отъезда, движимый каким-то смутным чувством, Гарусов отправился в город и пошел на реку. Приближалась зима. Деревья уже заголились и дрожали от холода. По темноватой стремительной воде бежали плоские вихорьки, а между ними мокрым сахаром шло первое сало. Сентябрь. «А у нас там листопады, листопады...» — по привычке думал Гарусов, но представить себе листопадов не мог. Реальной была эта холодная, серьезная река. Если бы он умел выразить свои мысли словами, вышло бы что-то вроде: «Прости меня, Сибирь, что я тебя так и не полюбил».

Назад ехали пассажирским поездом, с веселой стукотней, с пересвистом паровозов и хороводом станций, сменявшихся за окнами. На каждой станции — надо, не надо — Гарусов соскакивал за пяточком и нарочно медлил возвращаться, чтобы

девчонки пугались: «Ах, останется!» В самую последнюю минуту он ловко вскакивал на подножку и еще для удовольствия висел там некоторое время, а горячий чайник танцевал у него в руке.

В Ленинград Гарусов вступил победителем. Столя великолепная, солнечная осень. В садах неистовствовали листопады. Синяя Нева привольно разворачивалась от Зимнего дворца до Биржи. По Неве, морща и вспенивая воду, шли в разных направлениях веселые пароходики, полные людей и детей. Волны набегали и лизали гранит у ног Гарусова. Удивительно, как он стал теперь болтливым, как часто стал улыбаться, не пряча зубов. Детдому отвели старый особняк на Каменном острове — мрачное, запущенное, частично разбомбленное здание с лопнувшими трубами и неисправными печами. Гарусов полюбил это здание, где на потолках толстые женщины в плащах и сандалиях сыпали из рогов изобилия розы и фрукты. Он сразу выделился в руководителя ремонтно-строительных бригад, кошкой лазил по лесам и подмосям, таскал ведра с мусором, месил гипс, штукатурил стены. Надо было торопиться, надвигалась зима, но милая безобидная ленинградская зима, при мысли о которой Гарусов только улыбался. Он не зря улыбался. Он ждал. Ждал ответа из адресного стола, куда послал запрос о своей матери — дворничихе Делянкиной Насте. Ответ пришел нескоро и был краток: «Указать отчество, год и место рождения». Гарусов этого не знал.

Он задумался и приуныл. Даже сходил к врачу и попросился в лазарет, сылаясь на «острую боль в плече». Лежа в лазарете, он обдумал положение и выработал план. Он решил обойти весь город, улицу за улицей, пока не найдет свой дом. Скорее в Ленинграде улицы, Гарусов не знал даже приблизительно, но готов был ходить долго, сколько понадобится. Вышел он из лазарета почти не изменившимся, разве что пошатнулся немного в своем вожакстве, и голубые глаза проросли серыми.

Приняв решение, он начал действовать. Воспитаннику детдома трудновато получать увольнение, если у него нет родственников. Гарусов совершил чудо: сделал себе тетку. Он просто поймал во дворе незнакомую женщину и уговорил ее выдать себя за тетку. Помогли ему в этом опять-таки резонная речь и честные глаза. «Тетка» уверовала в его порядочность: «Такой не уворует, не сбандитничает».

На поиски у него ушло несколько лет. Гарусову было уже лет восемнадцать, и он учился в последнем классе, когда вдруг в своих поисках он набрел на улицу, показавшуюся ему знакомой. Началось с трещины на тротуаре — он помнил этот профиль, не то звериный, не то птичий. Сердце Гарусова забилося где-то в зубах и деснах. На углу оказалась булочная, в которую ушла утроба за хлебом мать и из которой больше не вернуться...

Только в витрине теперь лежали баранки и песочные торты. Что-то в них было оскорбительное. В мыслях своих он не раз находил эту булочную, но в ней было все, как тогда: забитое окно, слабый огонь коптилки, чашка весов с тонким ломтиком хлеба.

Он отошел от витрины, свернул направо и увидел свой дом...

Пярт. Музыка несет в себе элемент тайны. Всего не объяснишь, просто присутствует чудо, а ты в это чудо не можешь не поверить... Музыку можно исследовать, найти мажор, минор и другие закономерности, но чем измерить ее таинственность?

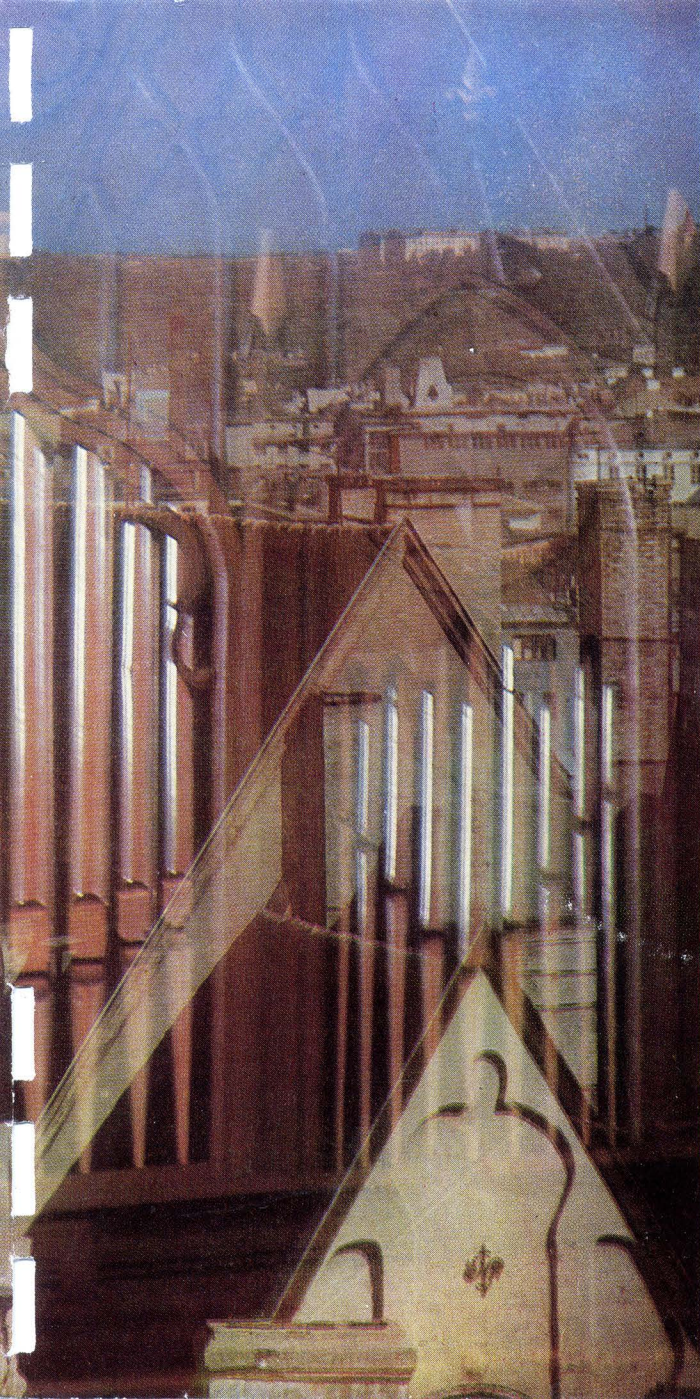
Впервые я услышал об эстонском композиторе Арво Пярте, авторе фортепианной Партиты, детской кантаты «Наш сад» и других сочинений большого и малого калибра, лет восемь — десять назад. Ему было тогда немногим более двадцати. Музыка его уже в те годы казалась необычной. Стилистически она связывалась с «неоклассикой», с Шостаковичем. Но было в ней что-то такое, что сразу «цепляло» ваше сердце и ум. Фантазия. Качество «строительного материала», мелодическая изобретательность, чувство формы — чувство не «по учебнику», а интуитивно в себе осознаваемое: способность «звукового архитектора»...

В каждой новой пьесе Пярт решал двоякие задачи — музыкально-технические и выразительные. В поисках нового языка он обратился к так называемой «двенадцати-тоновой» и затем к «серийной» технике. Однако в отличие от множества современных авторов, использовавших серийность, не техника подчинила себе композитора, а он — технику. Он всегда оставался самим собой...

Одна из «новаций» Пярта — введение в музыкальную ткань прямых цитат из классики — сарабанды Баха («Коллаж на тему В. А. С. Н.»), детской пьесы Чайковского («Вторая симфония») либо имитаций в классическом стиле (виолончельный концерт «Pro et contra»). Цитаты эти породили немало вопросительных знаков. Что это: символы величия классической эпохи, моральной силы старинной музыки? У Пярта свое, особое отношение к классическому наследию...

Пярт. Грегорианский хорал, одноголосие. Пытаюсь постигнуть тайну унисонного пения. Для меня эта малость значит больше всех сверхсегодняшних сложностей...

Учусь у мастеров Возрождения и столько же у музыкантов сколько у живописцев — Рафаэля, Микеланджело... Именно они подсказывают светлую, чистую гармонию...

Пярт пишет об окружающей нас жизни так, как он воспринимает ее, иначе и быть не может. И цепь разрозненных впечатлений преломляется у него в обобщенные музыкальные образы...

На седьмой звуковой странице нашего журнала вы познакомитесь с одним из последних произведений Пярта — концертом для виолончели и оркестра.

Пярт. Как-то, будучи проездом в Таллине, ко мне зашел Ростропович, цветущий, энергичный, остроумный. Очень настаивал, чтобы я написал

СОЗНАНИЕ

концерт — в любом стиле, любым языком... Вначале я отказывался... Потом решил написать произведение энергичное, острое, с эффектными техническими приемами.

Пярт умеет находить для своих пьес точные названия, и его шестиминутный виолончельный концерт получил название «Pro et contra» — «За и против».

По мысли Пярта, «Pro et contra» должна рассматриваться как пьеса в форме старинного concerto grosso. Основной солист — виолончелист, ему противопоставлена группа духовых инструментов, и все они вместе — остальному оркестру, tutti. Таким образом, все соревнуются друг с другом («contra»), но все должны играть вместе, отсюда и «pro».

Арк. ПЕТРОВ

Фото Л. Лазарева

ЭФФЕКТ ПРИСУТСТВИЯ

Николай ИСАЕВ

У меня есть знакомый кинорежиссер. Так вот он мне говорит: «Новую технику осваиваем. Хочешь испытать эффект присутствия? У нас проекционные аппараты поставлены так, что создается для зрителей совершенно объемное изображение». «Спасибо, Саша,— отвечаю,— с удовольствием присутствую».

Пришли мы на студию, в просторный зал. Он почти круглый и куда ни оглянись — экран. Посадили меня в центре, погасили свет, начался фильм «На суше и на море». Показывают Ялту. Отдыхающие в белых штанах гуляют, мороженое едят. И такое ощущение, будто сам там гуляешь и мороженое ешь...

Вот только жарковато. Искупались. Потом решил по морю покататься, на яхтах. Напарник мне попался молодой, загорелый. Плыдем и плывем. Потом... того... укачивать стало. И чувствую: напарник не за те веревки тянет. Сначала я молчал, но как два раза в воду выпал, замечание сделал. Он будто не слышит, носится по яхте, улыбается. А я весь мокрый, продрог: половину времени в воде провожу...

Не знаю, чем бы все это кончилось, но вдруг вынесло нас на берег. Вдвинули меня в рюкзак, и пошли мы на Эльбрус. Ногу вывихнул. «Бросьте,— прошу,— ребята, зачем я вам?» И сознание потерял. Очнувшись, огляделся: народ на трибунах, стадион. А я на поле посередине. Навстречу бык. Я от него, он за мной. Смотрю, на поле какой-то гражданин с красным полотенцем. Я к нему. По дороге сообразил, что в Испанию занесло, а с полотенцем тореадор. Подбегаю к нему и кричу: «Тореадор, голубчик, проводи ты меня отсюда». «Отстань,— отвечает,— не мешай работать!» Я ему: «Как отстань?! Первый раз живого быка вижу!» «Я, может, сам новичок,— отвечает,— приходи проходу. Прячься за спину».

Спрятался. Бык подбегает. Промалнул. Тореадор опять своим полотенцем машет. «Хозе,— кричу,— брось дразнить животное. Не любит он красного, с рогами он...»

Бык опять на нас, но тут все запели песню «Возьмите нас с собой, парашютисты», и мы стали садиться в самолет. В самолете раздавали парашюты. Пригали затяжным. Мой все-таки раскрылся. Приземлился я в болоте. Двадцать километров шел по компасу. Дошел — и прямо на чемпионат Европы по боксу. Выступал в легком весе. Провел отличную серию ударов по корпусу противника, но пропустил удар справа. На счете семь попробовал встать, не получилось...

В зале зажгли свет. Фильм кончился. Пока ходили за носилками. Саша спросил: «Ну, как, в принципе, старики, ты «за» или «против»? По-моему, эффект присутствия полный!»

«Полный», — согласился я и лег на правый бок, как привык с детства. Носилки медленно понесли.

11(68) ноябрь 1969

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАТЕЛЬ:
КОМИТЕТ
ПО РАДИОВЕЩАНИЮ
И ТЕЛЕВИДЕНИЮ
ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР

На первой странице
обложки: рисунок
карейской художницы
Т. Юфы (Петрозаводск).

Режиссер
Н. Субботин
Художник
А. Шторх
Технический
редактор
Л. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
Москва, ул. академика
Королева, 12.

Телефоны редакции:
181-79-53, 181-79-48

Б 04923. Подп. к печ.
15/X 1969 г. Формат
бумаги 84 × 108¹/₁₆.
Усл. п. л. 1,68.
Уч.-изд. л. 1,4.
Тираж 350 000 экз.
Зак. 2565. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

Слушайте

6

номере

1. В звуковую книгу о В. И. Ленине. «День первый». Говорят участники событий.
2. Звуковое приложение к сборнику сочинений Б. Полевой. Из «Нюрнбергских дневников».
3. «Природа не знает праздности». Монолог, произнесенный в воронежском лесу.
4. «Золото. Как оно добывается». Фонофильм о Мурунтау.
5. «Слушайте нейрон!» Репортаж из Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии АН СССР.
6. Три напева из Комитаса. «Абрикосовое дерево», «Горю я», «Куропаточка». Исп. квартет дудукистов, хор п/у Т. Алтуяна, Л. Закарян и намерный оркестр. «Песню пахаря» поет Комитас. Запись 1912 года.
7. Арво Пярт. Виолончельный концерт. Играет Т. Вельмет и оркестр п/у Н. Ярви.
8. Аранжировки Рея Кониффа. 9—10. Сопот-69. «Весенний ветер». Поет Йорданка Христова (Болгария); «Мария Консуэло». Поет автор слов и музыки Анри Дес (Швейцария); «Это любовь». Поет Кончита Баутиста (Испания); «Я счастлива с тобой». Поет Лилиан Аскеланд (Норвегия); «Ее постоянный столик». Поет Анри Ташан (Франция); «Когда ты меня любишь». Поет Пэтси Мак Лейн (Англия).
11. Лирические премьеры. А. Муромцев, М. Рябинин «Влюбился месяц в реченьку»; С. Туликов, О. Миллявский «Любите Россию». Исполняют Г. Юхина и Г. Ненашева.
12. Эстрада планеты. Поет М. Магомаев. К. Садовский. «В этот день»; А. Лари. «Гре-нада».

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным домом
радиовещания и звукозаписи

Для труб и саксо- фонов

8

Р. ДИНОВА

Когда в конце пятидесятых годов имя Рея Кониффа заперело в огнях реклам, он был уже хорошо известен в среде профессионалов. В середине тридцатых годов он, молодой тогда тромбонист, впервые завоевал признание своей мягкой игрой на этом инструменте. Солировал в джаз-оркестрах Бенни Беригана, Боба Кросби, Арти Шоу... Популярность Рея Кониффа росла, но, видимо, что-то не удовлетворяло музыканта. Уже вкусивший славы, он сел на студенческую скамью знаменитой нью-йоркской Джульярдской музыкальной школы.

Музыка Бетховена, Чайковского, Листа, Римского-Корсакова... К ней обратился Рей Конифф, пытаясь аранжировать, обработать ее для эстрадного оркестра. Он прекрасно понимал, что существенные качества будут утеряны, когда классические мелодии зазвучат в переложении для труб, саксофонов, тромбонов. Но он возлагал надежды на возможности оркестра.

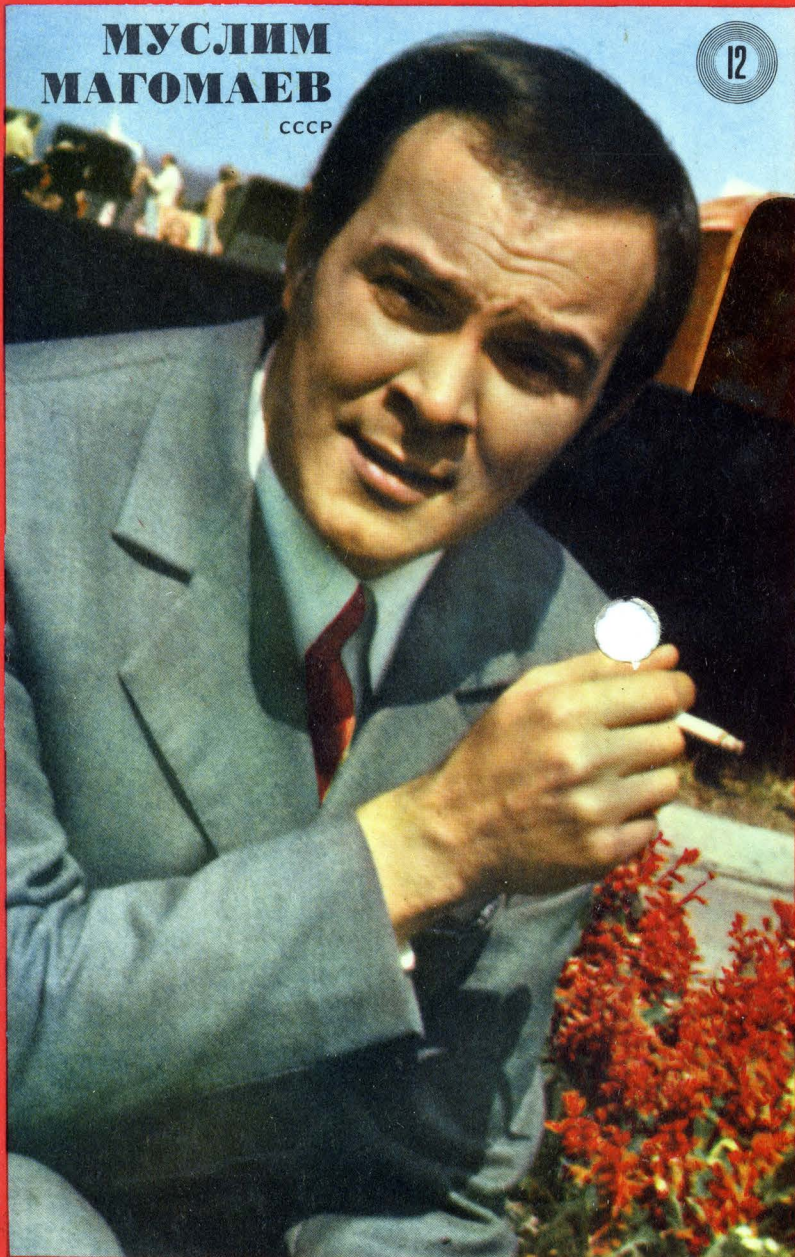
Отточенные по стилю аранжировки привлекли внимание менеджеров радио и фирм грампластинок. Музыканту предложили возглавить оркестр одной из нью-йоркских радиокомпаний. В его распоряжение была предоставлена великолепная «лаборатория» звукозаписи. Изобретательный музыкант, обладающий мастерством, открывает новые сочетания инструментов и человеческих голосов, новые ритмы, новые оркестровые составы и характеры звучания. Конифф использует человеческие голоса инструментально, смешивая тембры женских голосов с высокими трубами, саксофонами, кларнетами, мужские — с тромбонами и другими низкими регистрами.

МУСЛИМ МАГОМАЕВ

СССР

12

Цена 1 руб.

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

Корр. Я знаю не так много певцов, которые успешно совмещают в своем репертуаре эстраду и классику. Вы поете Фигаро в «Севильском цирюльнике» и Скарпию в «Тоске», слушателю знакомы в вашем исполнении народные мелодии разных стран и современные эстрадные песни. Часто половину своего концерта вы посвящаете классике, а второе отделение — эстраде. Не становится ли здесь эстрадная песня своего рода «приманкой», «вытяжным парашютом» для некоторых неподготовленных слушателей?

Магомаев. Мне кажется, стоит бороться за то, чтобы эстрадная песня не боялась соседства с оперной арией. Этого я и добиваюсь. Думаю, что о «приманке» тут не может быть речи.

Корр. Вы известны нашему слушателю и как солист Бакинского театра оперы и балета. В прессе упоминалось, что вы прошли стажировку в знаменитой «Ла Скала». И рядом с этим — эстрада...

Магомаев. Не хочу показаться нескромным, но только в этом году мне досталась победа на двух песенных турнирах: во Франции — в Каннах и в Польше — в Сопоте. В этом же году на оперной сцене я пел партии Риголетто, Фигаро, Эскамильо. Как видно, одно другому не противоречит.

Корр. В своих выступлениях вы нередко аккомпанируете себе. Как серьезны ваши занятия музыкой?

Магомаев. Уже семь лет я занимаюсь по классу фортепиано. В Бакинской консерватории я любил бывать на уроках композиции. Наверное, мой интерес к сочинению музыки не был случаен: теперь у меня уже двенадцать песен. Как всякий автор, я немного горжусь теми записями (может быть, и несовершенными), где Магомаев — композитор и певец. В свободное время я рисую.

Корр. Ваши сопотские впечатления?

Магомаев. Очень понравилась польская публика, чувствующая музыке, ценящая культуру исполнения, искренность и артистизм певца и в то же время требовательная. Последние наши состязания все отчетливее показывают важность вокальной грани в песне, важность исполнительского мастерства. Поэтому победа на конкурсе была трудной.

В Польшу я каждый раз приезжаю с особым чувством. Здесь в минувшей войне погиб мой отец.